

Введение

Лучший способ вести пропаганду —
это никогда не выглядеть ведущим пропаганду.

Ричард Кроссман (Richard Crossman)

В разгар холодной войны правительство США вложило громадные средства в секретную программу культурной пропаганды в Западной Европе. Центральным аспектом программы было распространение утверждения о том, что ее не существует. Руководство пропагандой осуществлялось в обстановке строжайшей секретности Центральным разведывательным управлением. Средоточием этой тайной кампании являлся Конгресс за свободу культуры, который с 1950 по 1967 год возглавлял агент ЦРУ Майкл Джоссельсон (Michael Josselson). Его достижения, несмотря на непродолжительное время существования, были весьма значительны. На пике своей активности Конгресс за свободу культуры имел отделения в 35 странах, его персонал насчитывал десятки работников, он издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, организовывал престижные международные конференции, выступления музыкантов и выставки художников, награждал их призами. Его задачей было отвлечь интеллигенцию Западной Европы от затянувшегося увлечения марксизмом и коммунизмом и привести ее к воззрениям, более подходящим для принятия «американского образа жизни».

Привлекая обширное и очень влиятельное сообщество интеллектуалов, политических стратегов, корпоративной элиты, а также старые университетские связи «Лиги плюща» (Ivy League; общее название для самых старых и престижных университетов США. — *Прим. ред.*), это начинание ЦРУ стартовало в 1947 году с создания консорциума, чья двойная задача состояла в том, чтобы привить мир от коммунистической заразы и облегчить продвижение интересов американской внешней политики за рубежом. Результатом стало создание сплоченного сообщества людей, работавших рука об руку с ЦРУ для распространения одной идеи: мир нуждается в Pax Americana (американский мир, мир по американскому образцу. — *Прим. ред.*), новой эпохе Просвещения, которая могла бы называться «американским веком».

Созданный ЦРУ консорциум, состоявший из тех, кого Генри Киссинджер (Henry Kissinger) характеризовал как «аристократию, посвятившую себя служению нации на основе принципа беспристрастности», являлся скрытым оружием Америки в холодной войне, применение которого имело обширные последствия. Нравилось им это или нет, знали они об этом или нет — в послевоенной Европе оставалось совсем немного писателей, поэтов, художников, историков, ученых и критиков, чьи имена не были бы связаны с этим тайным предприятием. Никем не оспариваемая, так и не обнаруженная в течение более чем 20 лет, американская разведка управляла изолированным, надежно обеспеченным культурным фронтом на Западе, *ради* Запада, под предлогом свободы выражения. Определяя холодную войну как «битву за человеческие умы», она запаслась обширным арсеналом культурного оружия: журналами, книгами, конференциями, семинарами, выставками, концертами, премиями.

Среди членов консорциума была смешанная группа бывших радикалов и левых интеллектуалов, чья вера в марксизм и коммунизм оказалась подорвана свидетельствами о сталинском тоталитаризме. Берущее начало в «розовом десятилетии» 1930-х годов, оплаканном Артуром Кёстлером (Arthur Koestler) как «искусственно прерванная революция духа, безрезультатный Ренессанс, ложная заря истории»¹, их разочарование сопровождалось готовностью примкнуть к новому консенсусу, утвердить новый порядок, восполнив израсходованные силы. Традиция радикального диссидентства, согласно которой интеллектуалы брали на себя исследование мифов, ставили под сомнение прерогативы учреждений и тревожили самодовольство властей, была прервана ради поддержки «американского проекта». Поощряемая и субсидируемая могущественными организациями, эта антикоммунистическая группа стала таким же «картельным сговором» в интеллектуальной жизни Запада, каким был коммунизм за несколько лет до этого (и включал зачастую тех же самых людей).

«Приходит время... когда, по-видимому, жизнь теряет способность устраивать саму себя, — говорит Чарли Ситрин, рассказчик в «Даре Гумбольдта» Сола Беллоу (Saul Bellow, Humboldt's Gift). — Она *была* устроена. Интеллектуалы брались за это, как за свою работу. Со времен, скажем, Макиавелли до наших дней устроение жизни было грандиозным, великолепным, мучительным, обманчивым, гибельным проектом. Человек, подобный Гумбольдту — вдохновенный, пронзительный, увлекающийся, был вне себя от восторга с открытием того, что человеческое предприятие, такое величественное и бесконечно разнообразное, отныне будет руководимо выдающимися личностями. Он был выдающейся личностью и, следовательно, приемлемым кандидатом для власти. Что ж, почему бы и нет?»². Подобно этому, многие Гумбольдты — интеллектуалы, преданные ложным идолам коммунизма, — теперь обнаружили себя внимательно изучающими возможность построения нового Веймара, американского Веймара. Если правительство и его тайная рука ЦРУ были готовы содействовать этому проекту — почему бы и нет?

То, что бывшие левые должны были идти в одной связке с ЦРУ, участвуя в общем деле, не так невероятно, как кажется. В холодной войне на культурном фронте существовала подлинная общность интересов и убеждений между Управлением и нанятыми интеллектуалами, даже если последние и не догадывались об этом. Выдающийся либеральный историк Америки Артур Шлезингер (Arthur Schlesinger) отмечал, что влияние ЦРУ было не только «реакционным и зловещим... По моему опыту, их руководство было политически просвещенным и утонченным»³. Взгляд на ЦРУ как на прибежище либерализма являлся мощным стимулом к сотрудничеству с ним или хотя бы оправдывал миф, что сотрудничество мотивировано хорошими намерениями. Тем не менее такое восприятие сталкивалось с большими неудобствами из-за репутации ЦРУ как беспощадного агрессора и пугающе опасного инструмента американских сил в холодной войне. Это была организация, которая руководила свержением премьер-министра Мосаддыка (Mossadegh) в Иране в 1953-м, устранением правительства Арбенса в Гватемале в 1954-м, гибельной операцией в заливе Свиней в 1961-м, пресловутой программой «Феникс» во Вьетнаме. Она шпионила за десятками тысяч американцев, преследовала демократически избранных лидеров в других странах, планировала убийства, отрицала свою деятельность в Конгрессе и вдобавок ко всему подняла искусство лжи на новую высоту. Посредством какой же замечательной алхимии смогло ЦРУ преподнести себя таким возвышенным интеллектуалам, как Артур Шлезингер, в качестве золотого вместилища лелеемого либерализма?

Глубина, которой американская разведка достигала в своем проникновении в культурные дела западных союзников, действуя в качестве непризнанного посредника в самом широком спектре творческой активности, ставя интеллектуалов и их работу в положение шахматных фигур в большой игре, остается одним из самых будоражающих вопросов в наследии холодной войны. Защита, выстроенная покровителями ЦРУ в тот период, покоящаяся на утверждении, что существенные финансовые средства выделялись без дополнительных условий, никем еще не была серьезно оспорена. В интеллектуальных кругах Америки и Западной Европы продолжают с готовностью принимать за правду то, что ЦРУ всего лишь проявляло заинтересованность в расширении возможностей для свободного и демократического культурного самовыражения. «Мы просто помогли людям сказать то, что они сказали бы в любом случае, — так беспроблемно выстраивается эта линия защиты. — Если получатели средств из фондов ЦРУ не были осведомлены об этом факте, если их образ действий не изменился впоследствии, значит, их независимость как критически мыслящих индивидов не была затронута».

Однако официальные документы, относящиеся к культурному фронту холодной войны, подрывают этот миф об альтруизме. Люди и организации, оплачиваемые ЦРУ, были готовы выполнять свою роль участников широкой кампании убеждения, кампании пропагандистской войны, в которой пропаганда определялась как «любое организованное усилие или движение, направленное на распространение информации или конкретной доктрины

посредством новостей, специальных аргументов или призывов, предназначенных для влияния на мысли и действия любой данной группы»⁴. Жизненно важной составляющей этих усилий была психологическая война, которая определялась как «планомерное использование нацией пропаганды и действий, отличных от военных, которые сообщают идеи и информацию, предназначенные для влияния на мнения, позиции, эмоции и поведение населения других стран, с целью поддержки осуществления национальных задач». А наиболее эффективный вид пропаганды достигается, когда «субъект движется в желательном для вас направлении, веря, что руководствуется собственными мотивами»⁵. Бесплезно отрицать эти определения. Они разбросаны по всей правительственной документации, это данность американской послевоенной культурной дипломатии.

Несомненно, маскируя финансовые вложения, ЦРУ действовало, исходя из предположения, что приглашение к сотрудничеству может быть отвергнуто, если делается открыто. Какой вид свободы может распространяться таким обманным путем? Свобода любого вида, безусловно, не стоит на повестке дня в Советском Союзе, где писатели и интеллектуалы, еще не отправленные в лагерь, подневольно служат интересам государства. Было бы, конечно, справедливо противостоять такой несвободе. Но какими средствами? Существовали ли какие-либо основания для того, чтобы считать невозможным возрождение принципов западной демократии в послевоенной Европе в соответствии с некоторыми внутренними механизмами? Или для того, чтобы не считать, что демократия может быть более сложным явлением, чем предполагает прославленный американский либерализм? До какой степени приемлемо для другого государства тайно вмешиваться в фундаментальный процесс естественного интеллектуального роста, свободных дискуссий и несдерживаемого потока идей? Не было ли здесь риска создать вместо свободы разновидность *недосвободы* (*ur-freedom*), когда люди думают, что действуют свободно, в то время как на самом деле они ограничены силами, над которыми не имеют контроля?

Вступление ЦРУ в войну на культурном фронте ставит и другие вопросы. Могла ли финансовая помощь исказить процесс становления интеллектуалов и распространения их идей? Были ли люди отобраны для занимаемого ими положения на основаниях, отличных от их интеллектуальных заслуг? Что имел в виду Артур Кёстлер, когда высмеивал научные конференции и симпозиумы как «разъезды международных академических девочек по вызову»? Обеспечивалась ли защита репутации или ее улучшение членам консорциума по культуре ЦРУ? Сколько писателей и ученых, получивших доступ к международной аудитории для распространения своих идей, были в действительности второстепенными публицистами-однодневками, чьи труды обрекались пылиться в подвалах букинистических магазинов?

В 1966 году в «Нью-Йорк Таймс» (*New York Times*) вышла серия статей, продемонстрировавшая широкий размах тайной деятельности, осуществлявшейся американской разведкой. О том, что как только истории о попытках государственных переворотов и политических убийствах (по большей части

неумело совершенных) выливаются на первые полосы газет, ЦРУ приходит в состояние, напоминающее отбившегося от стада слона, ломящегося через джунгли мировой политики, круша все на своем пути, неограниченного никакой ответственностью. Среди этих драматических шпионских разоблачений появлялись и подробности того, каким образом американское правительство демонстрировало себя западным жрецам культуры, обеспечивавшим интеллектуальный авторитет его действиям.

Предположение, что многие интеллектуалы действовали под диктовку американских политиков, а не в соответствии с собственными принципами, порождает всеобщее отвращение. Моральный авторитет, которым пользовалась интеллигенция в разгар холодной войны, теперь серьезно подорван и зачастую осмеян. Консенсократия развалилась, ее основа не смогла удержаться. Да и сама история стала фрагментированной, частичной, видоизмененной, иногда вопиющим образом — благодаря силам как правым, так и левым, которые хотели бы исказить правду ради достижения собственных целей. По иронии судьбы обстоятельства, которые сделали возможными разоблачения, сами способствовали тому, чтобы затушевать их истинное значение. Когда безумная антикоммунистическая кампания во Вьетнаме поставила Америку на грань социального коллапса, когда последовали скандалы уровня «документов Пентагона» или Уотергейта, стало трудно поддерживать интерес к делу о *культурной борьбе* (Kulturkampf) или испытывать возмущение по этому поводу — на фоне всего остального оно казалось лишь второстепенной оплошностью.

«История, — писал Арчибальд Маклейш (Archibald MacLeish), — подобна плохо спроектированному концертному залу с мертвыми зонами, где не слышно музыки»⁶. Эта книга представляет собой попытку выявить и зафиксировать такие мертвые зоны. Она ищет особую акустику, мелодию, отличную от той, что исполняется официальными виртуозами эпохи. Это тайная история, поскольку она верит в действенность силы личных отношений, «мягких связей» и сговоров, в значение салонной дипломатии и будуарного политиканства. Книга бросает вызов тому, что Гор Видал (Gore Vidal) описывал как «официальные фикции, которые согласовываются слишком многими и слишком пристрастными сторонами, каждая со своей тысячей дней, за которые строятся собственные вводящие в заблуждение пирамиды и обелиски, претендующие показывать время по солнцу». Любая история, которая исходит из изучения этих «согласованных фактов», неизбежно становится, по словам Цветана Тодорова (Tzvetan Todorov), «актом профанации. Речь идет не о содействии в создании культа героев и святых, а о максимально возможном приближении к правде. Это часть того, что Макс Вебер (Max Weber) называл «расколдовыванием мира», того, что находится на противоположном крае от идолопоклонства. Речь об освобождении правды ради самой правды, а не об извлечении образов, которые считаются полезными для настоящего»⁷.